

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

МЕЖДУ «КАМНЕМ» И «ПСИХЕЕЙ»: НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Рецензия на книгу: *Кихней Л.Г., Меркель Е.В.*

Осип Манделъштам: философия слова и поэтическая семантика:
монография. М.: Флинта, 2013. 168 с.

В.А. Гавриков

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Горького, 18, Брянск, Россия, 241050

В рецензии рассматривается монография Л.Г. Кихней, Е.В. Меркель «Осип Манделъштам: философия слова и поэтическая семантика», посвященная лингвофилософским и семантическим основам идиопэтики О.Э. Манделъштама. В центре исследования — взаимодействие манделъштамовских художественных текстов и его теоретических работ, посвященных философии слова и произведения, образам автора и читателя. В монографии показано, что поэтическая вселенная Манделъштама прошла в своем развитии три этапа, причем теоретическая рефлексия, отраженная в статьях, эссе, и художественные практики имеют различные хронологические рамки, хотя и непротиворечиво отражают диалектику манделъштамовских воззрений на ключевые категории авторской поэтики. В работе также исследуется синтагматическое и парадигматическое разворачивание смысловых комплексов, сложное взаимодействие образов, мотивов в творчестве Манделъштама. Указывается, что специфика его художественного метода заключается в разветвленном и ассоциативно обусловленном «перетекании» одних смысловых комплексов в другие, в накоплении морфологически различных, но семантически сходных или идентичных структур.

Ключевые слова: Манделъштам, поэтика, философия, семантика, текст, произведение, ассоциативность

Иногда исследователи забывают, что у птицы по имени «идиопэтика» — два крыла: собственно художественный текст и разного рода метавысказывания. Нередко именно в теоретических работах, интервью, эссе etc. даются ключи к пониманию той или иной творческой загадки, открывается видение каких-то потаенных в лирической «эмпирике» сторон. Более того, иногда именно теоретически осмысленный художественный дискурс ведет к глубинным изменениям и в творческой практике поэта. Иными словами, теория как обобщает практику, так и инспирирует ее. Труд Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель «Осип Манделъштам:

философия слова и поэтическая семантика» представляет собой исследование поэтики Мандельштама в ее двуединстве — условно говоря, на основе корреляции художественных высказываний и метавысказываний. Такое соединение теории и практики позволяет авторам работы подчас с неожиданного ракурса увидеть целостное здание философско-эстетических воззрений Мандельштама.

В центре исследования — два взаимообусловленных объекта: слово и художественное произведение. Соотношение этих понятий, их взаимосвязь и эволюция в поэтике Мандельштама оказываются лейтмотивом монографии. Понятно, что подобная установка обуславливала повышенный интерес к семантике художественного высказывания. Да и в заглавие работы наряду с «философией слова» вынесена именно «поэтическая семантика». Такой акцент может быть назван новаторским, ведь несмотря на достаточно обширные исследования поэзии Мандельштама, в том числе и апеллирующие к семантике, до сих пор не было создано целостной концепции как поэтической семантики акмеизма, так и Мандельштама в частности. Подступы к решению данного вопроса были намечены в ряде исследований ведущих отечественных ученых — таких, как С.С. Аверинцев, В.Н. Топоров, М.Л. Гаспаров, Л.Я. Гинзбург... Однако именно Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель первыми предложили целостную концепцию семантической поэтики Мандельштама с учетом накопленного за несколько десятилетий. Словом, новизна рассматриваемой работы является бесспорной, уже сама методологическая призма обрекла авторов книги на вторжение в области неведомые. А значит, можно смело утверждать, что читателя ожидает увлекательное путешествие в филологическую вселенную Мандельштама, полную загадок, парадоксов и «темнот».

Кроме того, учитывая системное соотношение и даже отождествление Мандельштамом слова и «внесловесной действительности» стиховая семантика оказывается важнейшим миромоделирующим аспектом, тем фундаментом, на котором зиждется лингвофилософская картина мира. Известно, что смыслы, и не только поэтические, неизменно рождаются в синтагматике высказывания, в «сцеплениях» слов, их взаимном семном и коннотативном обогащении. Отсюда — пристальное внимание к контексту, ведь во многом именно особая контекстность (синтагматическая, лексическая, фонетическая) характеризует поэтику Мандельштама как самобытное поэтическое явление. Контексты дальние и ближние, свои и чужие (интертексты), микро- и макроконтэксты оказываются в фокусе Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель.

Указанная проблематика обусловила и структуру работы, которую можно назвать одновременно и тематической и диахронной. Тематической — потому, что три главы монографии связаны с тремя важнейшими сторонами поэтики Мандельштама, а это: семантическая теория (с акцентом на философии «слова» и концепции художественного произведения), синтагматический аспект поэтической семантики и парадигматическое развертывание смысловых комплексов. Диахронной — потому, что содержание каждой отдельной главы отчетливо «эволюционно»: представления Мандельштама об указанных темах преломляются через генезис его поэтики, даны в развитии.

Первая глава открывается экскурсом в лингвофилософскую теорию Мандельштама. На примере статьи «Утро акмеизма» показаны ранние воззрения поэта,

связанные с концепцией слова и художественного произведения. По мысли исследователей, те основы, которые были заложены Мандельштамом уже в самом начале его акмеистического пути, окажутся актуальными и в дальнейшем, хотя и будут претерпевать некоторые изменения. Одним из центральных в теоретических штудиях Мандельштама этого времени становится тезис об огромном смысловом потенциале искусства, в частности — поэзии. В отличие от бытового языка, слово обладает сугубой семантико-смысловой наполненностью, «чудовищной уплотненностью», является областью, где все «возведено в десятизначную степень». Кстати, подобный тезис свойственен не только творчеству Мандельштама, но и является общим местом акмеистической эстетики, о чем авторы монографии размышляют в отдельной работе [3] — на материале творчества Н.С. Гумилёва.

Произведение искусства — совершенно иная реальность со своими законами, часто далекими от привычного представления о коммуникации. Это общение не только сверхинформативное, но и трансцендентальное. Поэтому теоретическая рефлексия Мандельштама на первое место выдвигает категорию Логоса. Причем это понятие формируется с учетом ряда концепций, разработанных как древними мыслителями, так и современными поэту православными философами, среди последних: В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский, В.Н. Лосский. Приведенные авторами работы факты свидетельствуют, что Мандельштам не следует ни за одним из мыслителей, а выстраивает некоторую синтетическую концепцию, в которой Логос обладает двумя базовыми ипостасями: профанность («слово-сырец», ожидающее поэтической обработки) и сакральное («слово-камень» в «крестовом своде», который участвует «в радостном взаимодействии себе подобных»).

Переходя к следующей вехе в лингвофилософских представлениях Мандельштама — статье «Скрябин и христианство» — ученые отмечают, что в центре ее оказывается идея единства как продолжение церковной соборности. Художественное бытие в кругу себе подобных выводится на новый уровень: сотрудничества с Богом в творческом акте. По Мандельштаму, мир уже искуплен и не требует иной жертвы, кроме раз и навсегда принесенной Христом. Поэтому задача поэта (да и вообще — любого художника) в со-радовании с победившим смерть Богом, в сотворчестве Ему. Лучшим выражением такого взаимодействия оказывается сакральная игра, которая, в частности, разворачивается в церковных таинствах и творческом акте — как некоем приобщении к трансцендентальному: «своего рода игра Бога с художником, как бы “игра отца с детьми, жмурки и прятки духа”» [2. С. 21].

Второй этап в развитии лингвофилософских представлений Мандельштама представлен статьями 1920-х гг.: «Слово и культура» и «О природе слова». Однако, как доказывают Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель, концепции этих работ генетически восходят к более раннему труду: статье 1913 г. «О собеседнике». Уже из названия данной работы видно, что Мандельштам во главу угла ставит здесь рецепцию, называя художественное произведение особым средством коммуникации, где реципиент обладает не меньшими «правами», чем поэт. Причем в первую очередь речь идет о «далеком» адресате: всей той множественности читателей («читатели в потомстве»), которые в бесконечной исторической перспективе ознакомятся с произведением. Такой футурологический реципиент назван «провиденциальным

собеседником» и является одновременно как дальним, недостижимым (соответственно, сакрализуемым), так и близким, помещенным в один онтологический контекст (соответственно, интимизируемым). Такое соединение разновременных пластов есть имплицитная апелляция к христианской концепции эона как некоего симультанного хронотопа, обнимающего всю темпоральную протяженность. Отзвуки подобных воззрений слышны, например, в мандельштамовском «вчерашний день еще не родился» («Слово и культура»).

Кроме того, в статьях 1920-х гг. большое внимание уделяется не только рецепции, но и референции. Мандельштам балансирует на грани двух взаимоисключающих сентенций, которые можно выразить в известных формулах: «слово бысть плоть» и «мысль изреченная есть ложь». Но перед нами не только «балансировка», но и перемещение «в спектре», поэтому концепция из бинарной превращается в ступенчатую, полную полутонов. В итоге ученые приходят к трем трактовкам мандельштамовского Логоса: «Слово являет собой некое триединство (по аналогии со Святой Троицей): а) слово как таковое (Слово-Логос), б) слово-плоть, в) слово-дух/душа (слово-Психея)».

Третий этап теоретических представлений Мандельштама, связанных с вопросами поэтической семантики, приходится на 1930-е гг. Квинтэссенцией лингво-философской картины данного периода становится эссе «Разговор о Данте». На первый взгляд, основанная на чужом материале, данная работа на поверку оказывается выражением мандельштамовских воззрений на природу слова и функцию художника. Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель умело вскрывают множественные подтексты данного эссе, приходя к парадоксальной мысли о том, что в «Разговоре...» поэт говорит в первую очередь о самом себе, о своем творчестве. Наследие Данте, по большому счету, — лишь повод для саморефлексии.

Как отмечают исследователи, в 30-е годы Мандельштам мыслит уже не только слово как Психею, но и в том же психейном духе он осмысляет природу произведения: «Релевантное соотношение формы и содержания в слове он переносит на художественное творение, что приводит его к выводу о релевантном соотношении формы и содержания в произведении» [2. С. 36]. Путем ряда импликаций поэт приходит к выводу о тождестве произведения и слова: первое также слитно и постигается только в своем гармонически выстроенном единстве. Форму же произведения продуцирует некая внутренняя трансцендентальная идея, которая уже «звучит», когда нет еще самого стихотворения.

Если в первой главе акцент делался на метавысказывания Мандельштама, то вторая и третья в первую очередь посвящены художественной практике, разумеется, с постоянными апелляциями к уже изученным теоретическим построениям. Так, вторая глава открывается рассмотрением одного из ключевых соотношений в поэтике Мандельштама — слова и денотата. Последний, одушевляясь семантической энергией, часто балансирует на грани вещественного / вещного и антропоморфного / телесного. Воплощенное (то есть получившее плоть) Слово из церковной традиции продуцирует тотальную соматизацию и одушевление: преобразованное мастером (поэтом, скульптором, архитектором и т.д.) «сырье» становится живым. В хрестоматийных произведениях «Notre Dame» и «Адмиралтейство» ученые подчеркивают воплощенную телесность как центральную метафо-

ру, разворачивающуюся в разных «регистрах»: здание (храм) — тело — слово, с возможными вариантами их корреляций: «здание-слово», «тело-слово», «тело-здание».

Такая ветвящаяся метафора, в разных морфологических формах снова и снова возвращаемая к первообразному семантическому «эйдосу», становится узнаваемым мандельштамовским маркером. Поэт, взяв за основу некий смысловый инвариант («семантический лейтмотив»), реализует его во множестве вариантов-образов, каждый из которых является не тавтологией, а раскрытием одной из граней имплицитного (часто — трансцендентального) первообраза. Рассматривается такая семантическая особенность поэтики Мандельштама на материале стихотворения «Домби и сын».

Подобное выстраивание образа ведет к особой ассоциативности, продуцирующей возникновение и разрастание целых семантических «корневищ», в которых образы причудливо переплетаются, сцепляясь на основе общих сем — контекстуально актуализируемых. Как подчеркивают Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель, уже Бродский отмечал сугубую важность ассоциативного в поэтике Мандельштама, называя его творчество «искусством ассоциаций, намеков, языковых и метафорических параллелей». В таких структурах осложняет анализ и интерпретацию то, что не всегда мотивировка образа находится в ближайшем контексте: ряд мандельштамовских «темнот» может быть понят только при обращении к макроконтексту поэтики. Отсюда и видимая «сюрреалистичность» некоторых образов, потаенную суть которых ученые подчас виртуозно вскрывают. Именно ассоциативность, богатство и разветвленность семантических корреляций становятся важнейшим принципом творчества Мандельштама.

В поздних стихах поэт развивает и углубляет свои художественные представления о значении слова и произведения, вырабатывает новые способы семантических корреляций и мотивировок. Все большее значение приобретает диалогизм: стихотворение «живет» в постоянном поиске адресата-сотворца. Контекстуальность видоизменяется за счет напряженного переживания вековой художественной традиции, ее новой актуализации и «перепрочтения». Это обуславливает сугубое внимание к интертексту.

Кроме того, важнейшие мотивы поэтики Мандельштама претерпевают корректировку, семантические потенциалы достигают своего предела. Текст становится интенционально полисемантическим, вариативность и скрытые подтексты делают его «стереоскопичным». По мысли ученых, в поздних стихах «слово как бы становится резервуаром для накопления значений».

В третьей главе, рассматривая парадигматическое развертывание смыслов у поэта, Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель переходят от ряда сквозных смысловых комплексов раннего Мандельштама к анализу субстанциальных образов, жидких и эфирных субстанций, «пищевых» образов. В центре исследования оказываются семантические деривации таких универсальных сущностей, как земля, вода, воздух, дерево, хлеб, соль и т.д. Первые из них связаны с мандельштамовской картиной мира и репрезентуют парадигматическую ось развертывания идиопозетики. В фокусе исследователей бинарная оппозиция: верх — низ в ее субстанциональном выражении. В заголовке последнего параграфа монографии, посвященном

жидким и эфирным субстанциям, появляется характеристика: «оксюморонные качества». Те же качества демонстрируют и некоторые образы, например небо, которое оказывается то пустым и профанным, то — за счет своеобразного лирического «одомашнивания» — сакральным.

Не стабильна и земная твердь, чьим ключевым репрезентантом является камень. Он, в качестве оплота и твердыни, оказывается противопоставлен расплавляющейся, текучей почве, ставшей знаком наступления апокалипсических времен. Образ камня, один из ключевых у Мандельштама, подвергается постоянно-му метафорическому уточнению и даже переосмыслению, втягивая его в самые разные образные ряды. Например, соотносимый с грифелем, камень оказывается связанным с семантикой письма и «присваивает» всю письменную парадигму. Камень, коррелирующий с кремниевыми образами, выводит на семантику огня и продуцирует соединение двух субстанций в особом метафорическом поле. Камень, связанный с семантикой кости, хребта, — через такие качества, как твердость, основательность, — инспирирует появление ряда телесных образов. Здесь же — имплицитный разворот к сквозному для акмеизма (и поэтики Мандельштама в частности) мотиву «храм (здание) как человеческое тело»... Вообще, на мой взгляд, одна из главных удач работы именно в раскрытии этих замысловатых мандельштамовских шифров, эзотерических образных соотношений и корреляций. Кроме того, большой интерес вызывают фонемно-семантические «связки», актуализирующиеся в паронимических аттракциях, ложной этимологизации, анаграммах и прочих лирических изысках.

Итогом исследования становятся две соотносимые между собой периодизации мандельштамовского наследия. Первая связана с теоретическими штудиями поэта и отражает ключевые повороты в осмыслении слова, произведения, поэтической семантики, рецепции и т.д. И здесь Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель выделяют три этапа: 1911—1913; 1920—1922; 1933—1934, это годы появления ключевых статей и эссе. На каждом из этапов, по мысли исследователей, «происходит обобщение накопленных в практике наблюдений и художественных открытий, а иногда намечаются принципы, реализуемые в дальнейшем» [2. С. 146].

Вторая периодизация охватывает лирическое наследие. Художественная практика коррелирует с теорией, но не совпадает с ней в точности. Стадиальность, по мнению ученых, оказывается следующей: 1-й период — 1908—1915 (сб. «Камень»), 2-й период — 1915—1920 (сб. «Tristia») и 3-й период 1921—1937 (цикл «Стихи 1921—1925 годов»; сб. «Новые стихи»).

Таким образом, Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель создают целостную концепцию творчества Мандельштама, указывают на ее узловые вехи, обобщают и систематизируют накопленный мандельштамоведением опыт, позволяют посмотреть на ряд проблемных вопросов данной отрасли с неожиданного ракурса. Причем работа оказалась не «самозамкнутой системой», а позволила пролить свет на ряд интересных вопросов поэтики акмеизма. Так, в продолжение тех интенций, которые выработаны на материале творчества Мандельштама, Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель недавно опубликовали статью по аксиологии повседневных вещей [1], где показали, что представленная в монографии методология работает и на другом акмеистическом материале.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кихней Л.Г., Меркель Е.В.* «Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма» // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 1 (33). С. 129–138.
- [2] *Кихней Л.Г., Меркель Е.В.* Осип Манделштам: философия слова и поэтическая семантика: монография. М.: Флинта, 2013. 168 с.
- [3] *Кихней Л.Г., Меркель Е.В.* «Поэма начала» и «Слово» Н. Гумилева как поэтические манифестации акмеистической концепции слова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. № 1. С. 60–67.

“STONE” AND “PSYCHE”: NEW RESEARCH OF OSIP MANDELSTAM’S POETIC SEMANTICS

Review of the book: *Kikhney L.G. and Merkel E.V.*

Osip Mandelstam: the philosophy of word and poetic semantics: monography. M.: Flinta publishers, 2013. 168 p.

V.A. Gavrikov

Bryansk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Gorky str., 18, Bryansk, Russia, 241050

The review covers the monograph by L.G. Kikhney and E.V. Merkel “Osip Mandelstam: the philosophy of word and poetic semantics” which is devoted to Mandelstam’s linguistic philosophy and his individual semantic principal. The main goal is to study Mandelstam’s interaction of his artistic texts and theoretical ideas concerning the philosophy of word and text as well as author’s and reader’s images. The monograph reveals Mandelstam’s poetic universe during its three development stages. As theoretical reflection in his articles and essays and artistic methods refer to different chronological frames, they inconsistently show Mandelstam’s dialectics of views on the author’s key poetic categories. In this paper the syntagmatic and paradigmatic evolution of notional complexes, complicated interaction of images and inspirations in Mandelstam’s works are described. The particular aspect of his artistic method lies in inclusive and associatively determined «flowing» of certain notional complexes into the others as well as in accumulation of morphologically different, but semantically identical structures.

Key words: Mandelstam, poetics, philosophy, semantics, text, creation, contiguity

REFERENCES

- [1] Kihnej L.G., Merkel E.V. «Aksiologija povsednevnyh veshhej v pojetike akmeizma» [«The Axiology of casual things in the poetics of acmeism»] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija* [Tomsk State University. Philology]. 2015. № 1 (33). p. 129–138.
- [2] Kihnej L.G., Merkel E.V. *Osip Mandel’shtam: filosofija slova i pojeticheskaja semantika. Monografija* [Osip Mandelstam: the philosophy of word and poetic semantics. Monography]. M.: Flinta, 2013. 168 p.
- [3] Kihnej L.G., Merkel E.V. «Pojema nachala» i «Slovo» N. Gumileva kak pojeticheskie manifestacii akmeisticheskoi koncepcii slova [«The Poem of origin» и «The Word» by N. Gumilev as the poetic manifestation of acmeist word conception] // *Vestnik TvGU. Serija «Filologija»* [The Bulletin of TvSU. Philology]. 2015. № 1. p. 60–67.